

КОНТЕКСТ

Контекстуальная идентичность связана с отношениями между предметом и его окружением. В предлагаемой нами модели контекст рассматривается в качестве важного аспекта информационной структуры предмета. В музееологической литературе обычно подчеркивается «музееологический контекст», т.е. контекст в котором находится предмет, ставший предметом музейным. Для того чтобы познать предмет как носитель данных, необходимо разработать модель контекстуальных связей, предшествующих музееализации. Подобные модели существуют в археологии, изучении материальной культуры и экологии, необходима их адаптация к потребностям музееологии.

Контекст можно определить как совокупность планов, в которых сталкиваются окружение и ряд связей, в данном окружении конструируемых и осуществляющихся (Gavanagh 1990: 79). Контекст также может быть описан как система, обладающая двумя «измерениями»: материальным (физическим) и концептуальным. В качестве концептуальной системы контекст понимается как «дискурсивное поле» (Buchloh 1991). Применительно к материальному контексту, позиция предмета в нем может определяться пространственно («положение») и функционально («ниша»). Полезным может быть также различие микро- и макроконтекстов, хотя граница между ними неизбежно будет произвольной. Сьюзен Пирс, например, описывает микроконтекст как «кубический метр непосредственного окружения предмета» (Pearce 1986: 199).

Материальный микроконтекст может состоять из тесно связанных друг с другом предметов, призванных формировать единое целое. Для обозначения такого (ограниченного) количества предметов, которые намеренно связаны друг с другом (например, картина и рама, столовый сервиз, скрипка и смычок и т.д.), ниже будет использоваться понятие «набор артефактов» («ансамбль»). Иногда в качестве набора артефактов с определенной степенью автономности может трактоваться и материальный макро- (или мезо)контекст: примеры тому – дворец или мастерская.

Некоторые предметы демонстрируют значительную подвижность в рамках своего контекста. Контекст с высокой степенью мобильности компонентов может быть назван динамичным контекстом (или динамичным набором артефактов). Другой формой динамики является включение в контекст и исключение из него различных предметов. Следствие этого – постоянное изменение композиции данного набора артефактов, – это нестабильный контекст / набор артефактов. С другой стороны, некоторые наборы остаются неизменными длительный промежуток времени, – это пример стабильного контекста / набора артефактов.

Все возрастающий интерес к контекстуальному уровню информационного содержания предметов ведет к проникновению в музееологию подходов, характерных для экологии. С точки зрения методологии, можно выделить два таких подхода: аутоэкологический и синэкологический. В первом случае мы начинаем с одного предмета и изучаем его отношения с окружением. Во втором, началом служит целое, кластер, контекст. В рамках синэкологического подхода группа предметов может рассматриваться как предмет *sensu latiore*.

Первичный контекст и музеологический контекст

В архивном деле существует различие между канцелярией и архивом (Dictionary of Archival Terminology, 1984). Записи, регулярно используемые в повседневной работе какого-либо агентства, института или организации, называются текущими или активными записями. Они хранятся в месте своего происхождения, и за работу с ними отвечает канцелярия. По истечении определенного периода времени (период хранения), обычно определяемого предполагаемой частотой использования этих материалов сейчас и в ближайшем будущем, записи перемещаются в архив или уничтожаются. Иногда существует еще одна, промежуточная фаза, связанная с так называемым «центром записей», где временно хранятся материалы, не используемые в текущем деловом обороте. После определения их ценности записи или уничтожаются или отправляются в архив, где оказываются доступными для работы исследователей или иного использования в культурных целях.

Подобное же разделение может быть использовано и для музеологической сферы. Ряд авторов описывает изначальный контекст, в котором предмет еще имеет утилитарную и экономическую ценность, как первичный контекст (Ennenbach 1983: 86; Klein & Wusthoff-Schafer 1990: 11; Cannon-Brookes 1979). Его также называют функциональным («Ökotypische Zusammenhang», Treinen 1974: 23) или системным контекстом (Schiffer 1976). В голландской архивной терминологии этот период биографии записей называют динамичным периодом («dynamische periode»).

Первичный контекст определяется актуальной культурной системой. Предмет может стать товаром (Korytoff 1986: 68)¹. Товар – это предмет, обладающий потребительской стоимостью, который в ходе отдельной сделки может быть обменян на иной предмет. Обмен может быть прямым, или осуществляться косвенным образом посредством денег. Обычно, особенно на Западе, для осуществления обмена используются деньги, поэтому и показателем товарного статуса можно считать саму возможность продажи данного предмета. Заметным исключением являются дары, предполагающие обмен предмета на определенные нематериальные блага. С синэкологической точки зрения первичный контекст определяется при помощи связанных с ним функций: производства (приобретения, изготовления, подготовки, создания), эксплуатации (использования, потребления) и сохранения. В связи с этими функциями следует различать производственный и функциональный контексты. Кроме того, как третью разновидность контекста можно выделить временное хранение.

Шведская организация САМДОК предлагает делить первичный контекст на одиннадцать подконтекстов, называемых «пулами», на основании существующей классификации экономической деятельности: сельскохозяйственный пул, пул тяжелой промышленности, пул древесины и бумаги, пул продуктов питания, пул легкой промышленности, строительный пул, торговый пул, коммуникационный пул, пул обслуживания, пул государственного управления и домашний пул (Rosander ed. 1980). Следуя этой системе, Г. Каванах выделяет четыре основных контекста: домашний и личный, рабочий, публичный и коммерческий (Kavanagh 1990: 79). С аутэкологической точки зрения эти контексты являются функциональным & концептуальным & макро- контекстом. На данном уровне они служат

¹ Здесь и далее данная работа цитируется с учетом русского перевода Н. Эдельмана, опубликованного как: *Копытофф И.* Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей: Сборник статей / Под. ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 134-166 (прим. переводчика. – В. А.).

не столько для контекстуального определения конкретного предмета, сколько для выработки общей системы координат. И. Копытофф предлагает другой подход к классификации первичного контекста, основанный на таком понятии, как «сферы обмена» (Kopytoff 1986: 71). Можно выделить несколько таких сфер, например: сфера предметов первой необходимости (еда, утварь, инструменты), сфера престижных предметов и сфера прав в отношении других людей. Три эти сферы представляют собой три отдельные вселенные меновых стоимостей. Предметы в рамках каждой сферы взаимобмениваемы, и в каждой сфере правит своя собственная этика.

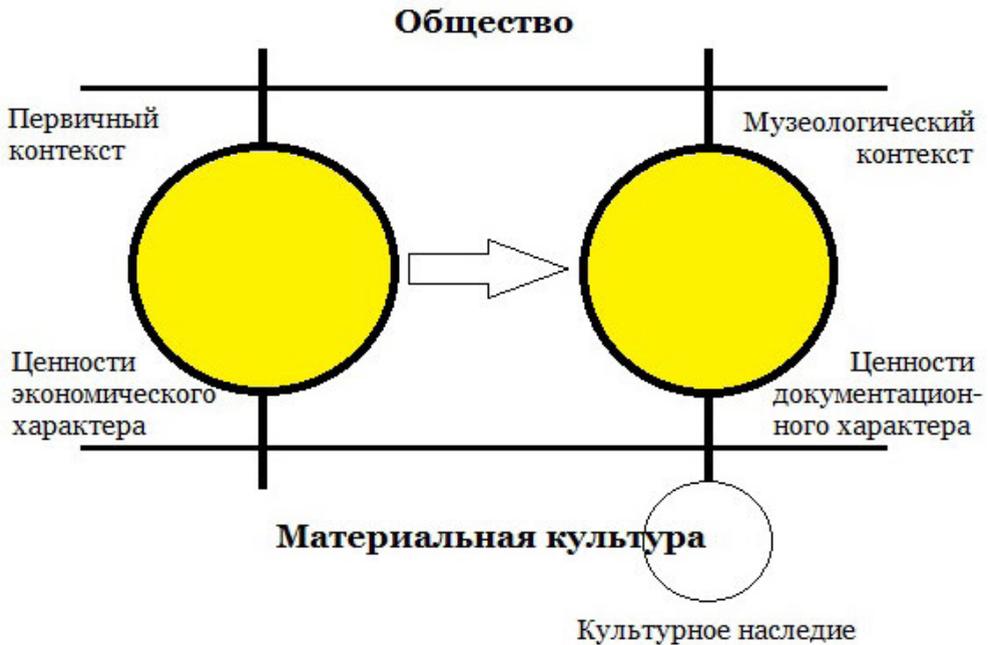

Рис. 15. Первичный и музеологический контексты как выражения двух разных отношений между обществом и его материальным окружением

Второй базовый контекст – это контекст, в котором после процесса селекции предмет приобретает документационную ценность (вторичный контекст, Ennenbach 1983: 86; Klein & Wusthoffer-Schafer 1990: 11). Этот контекст можно сравнить с тем, что В. Глузинский называет музеодоменом, т.е. интегрированной системой символического и коммуникативного поведения и результатов такого поведения (Gluzinski 1980). Такой подход гораздо шире музея как институционального контекста. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать понятие «музеологический контекст». Он включает в себя то, что П. Кэнон-Брукс определяет как вторичное (частные коллекции, дворцы, усадьбы) и третичное окружение (музеи) (Cannon-Brookes 1979). Сюда же относятся предметы, сохраняемые *in situ*. Важнее всего то, что музеологический контекст является контекстом концептуальным и, следовательно, ментальной институцией (B. Wyss)².

² Цит. по: Sloterdijk 1991: 230. Автор добавляет: «Прежде чем первый музей был построен, он уже существовал как мысленная форма эволюционизма и историзма».

Археологический контекст

Третий базовый контекст может быть назван археологическим. В целом, он связан с неподвижным состоянием культурных материалов (Schiffer 1976). Его можно рассматривать как форму временного или постоянного хранения отвергнутых материалов. Обычно это понятие связывают с предметами, находящимися в земле, но – как концептуальный контекст – он может включать в себя также чердаки, подвалы или сараи. В данном случае необходимо уточнить, является ли с синэкологической точки зрения временное хранение частью первичного контекста или же относится к археологическому контексту.

Группа артефактов

Набор предметов (группа артефактов) является результатом процесса аккумуляции. Аккумуляция связана с изменением контекста. В архивном деле аккумуляция в первичном контексте именуется «естественной» аккумуляцией, в противоположность «искусственной» аккумуляции, которая является результатом перехода материалов из первичного контекста в музеологический (музейный) контекст. Естественную аккумуляцию можно увидеть, например, в домашнем хозяйстве, где деятельность различных членов этого хозяйства ведет к появлению (и изъятию) различных предметов. Такая аккумуляция не просто случайное собирание предметов. Как правило, набор артефактов имеет определенную композицию и определенное расположение, или, говоря музеологическим языком, структурную и функциональную идентичность. Эта идентичность не что иное, как отражение норм, ценностей, видов деятельности и т.д. того или иного человека или группы людей (т.е. концептуальный контекст). Обстановка жилища, например, почти неотделима от стиля жизни; одно создает другое и отражается в нем. Как отмечают некоторые ученые, *расстановка и использование* мебелировки отражают различные периоды в истории гораздо точнее, чем *сама* мебелировка (Seale 1979).

Иногда артефакты, соединенные в ходе естественной аккумуляции, могут подвергаться фоссиллизации и – в зависимости от тафономических процессов, – сохраняться в археологическом контексте. Музей может приобретать набор артефактов как документ процесса естественной аккумуляции, однако, музейная коллекция, являясь результатом искусственной аккумуляции, сама по себе становится набором артефактов с собственной идентичностью (концептуальной, структурной и функциональной).

Теория хлама

«Теория хлама» Майкла Томпсона основывается на выделении трех категорий, к которым может быть отнесен тот или иной предмет, и представлениях о контролируемом процессе перехода из одной категории в другую (Thompson 1979). Эти «когнитивные категории» частично совпадают с концептуальными измерениями трех контекстов, описанных выше: 1) предметы кратковременные (первичный контекст), 2) хлам (археологический контекст), 3) предметы длительного употребления (частично первичный, частично музеологический контексты). Принадлежность к той или иной категории определяется не внутренними физическими («естественными») свойствами предмета, а социальной системой, т.е. определяется на основе социально воспринимаемой идентичности. Предметы первой категории характеризуются убывающей экономической ценностью. Хлам вовсе не имеет ценности. Предметы длительного употребления характеризуются возрастающей экономической ценностью. М. Томпсон связывает первое и третье состояния с «пространством

фиксированных предположений», где принадлежность предмета к той или иной категории определяет то, как мы с ним обращаемся, в то время как хлам, по его мнению, связан с «пространством гибкости», состоянием неопределенности, в котором наши действия определяют принадлежность предмета к некоей категории. Согласно теории М. Томпсона, кратковременный предмет должен пройти состояние хлама для того, чтобы стать предметом длительного употребления. В терминах теории катастроф Рене Тома «когнитивная категория» или контекст – это не что иное, как морфогенетическое поле («креод»), островок детерминизма в океане неопределенности. Каждое изменение контекста – это переход через момент неопределенности.

Переход из одного контекста в другой

Один из способов изучения предметов и их «поведения» в первичном контексте разработали А. Аппадурай и И. Копытофф (Appadurai 1986; Kopytoff 1986). Ключевым для их модели является понимание предмета как товара, в общих чертах определяемого, как любая вещь, предназначенная для обмена. Быть товаром – одна из фаз в социальной жизни предметов. Некоторые предметы являются товарами по предназначению, т.е. они уже самими создателями предназначались в основном для того, чтобы служить обмену; другие оказываются товарами в ходе определенных метаморфоз, т.е. они оказываются товаром, хотя изначально для этого предназначены не были. Товаризация (как определяет ее И. Копытофф) связана с изменением контекста. Это изменение означает, что предмет или оказывается в состоянии товара или покидает его.

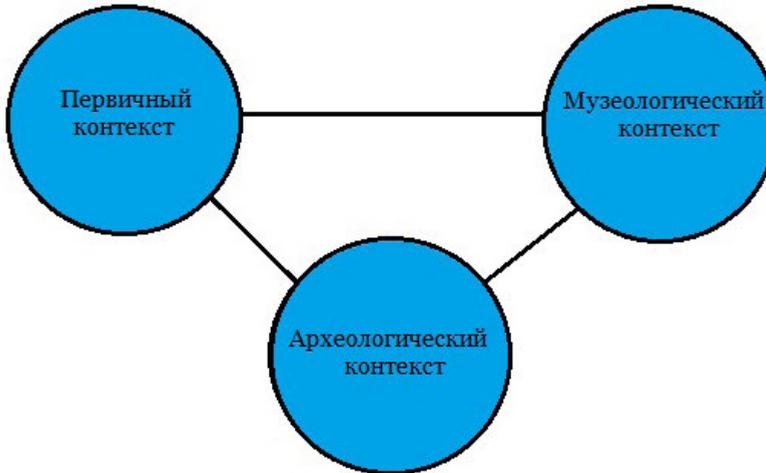

Рис. 16. Три основных контекста в музеологии

Каждое изменение социального пространства, в котором предмет используется, или того способа, которым он используется, предполагает переоценку ценности данного предмета. В момент такой переоценки очевидным становится товарный статус предмета. Большую часть времени, когда предмет изъят из товарной сферы (т.е., когда он используется), статус этот неизбежно оказывается неопределенным и открытым для различных влияний со стороны тех или иных событий и устремлений. С аутэкологической точки зрения функ-

циональная деградация предполагает дестабилизацию положения артефакта в контексте. Переоценка ценности может включать повторное использование предмета (ПП-переход), а также изъятие его из активного использования в данном контексте посредством отбраковки (ПА-переход) или сохранения (ПМ-переход).

Жизненная история того или иного предмета может быть описана как процесс товаризации – детоваризации – ретоваризации. В актуальной культурной системе предметы трансформируются в ходе последовательной смены контекстов. Они могут сохраняться в нескольких системных состояниях посредством изменения того, как предмет используется, его значения, а также посредством перехода от одного конкретного владельца / пользователя к другому. Обычная последовательность: мастерская / фабрика – магазин – пользователь. Иногда жизненная история предмета оказывается более сложной, например, когда предмет продается первым владельцем и повторно используется вторым: мастерская / фабрика – магазин – первый пользователь – магазин – второй пользователь и т.д. Первое использование предмета и его повторное использование может разделять период «временного хранения» (переходный контекст). В домашнем обиходе в качестве такового могут выступать сарай или чердак. Для некоторых предметов этот процесс может носить циклический характер. В физическом отношении предмет оказывается вне фокуса внимания и в смысле идеологическом он пребывает в своего рода лимбе (Thompson 1979). Очень часто предмет после периода забвения формально должен быть реактивирован или снова возвращен к жизни. Конечно, могут наблюдаться различия между тем, что принято считать идеальной карьерой определенной категории предметов и актуальной биографией данного конкретного предмета. В то время как социологи или специалисты в области материальной культуры большее внимание уделяют идеальной карьере предметов, с музеологической точки зрения гораздо более важной оказывается актуальная биография отдельного предмета.

ПП-переход

Каждый ПП-переход означает продолжение социальной жизни предмета. Он остается в своем первичном контексте, сохраняется определенное функциональное соответствие. Однако существуют различные виды ПП-перехода: рециклинг (переработка для повторного использования, обратный цикл), вторичное использование и побочный цикл (Schiffer 1976: 38-39). Переработка для повторного использования (обратный цикл) включает адаптацию предмета и использование его (или его частей) для производства нового артефакта. Зачастую нет необходимости вносить серьезные изменения для того, чтобы приспособить предмет для нового использования. Такой тип процессов будет называться вторичным использованием. Наконец, последний тип, побочный цикл, отличается от двух вышеперечисленных тем, что в нем нет ни изменений предмета (как в переработке для повторного использования), ни изменений способа его использования (как во вторичном использовании), хотя между различными этапами использования могут иметь место некоторые поновления предмета или же его текущий ремонт.

Дж. М. Фитч приводит несколько причин для осуществления ПП-перехода: желание сберечь время и энергию (затраты на труд, необходимый для разработки и реального производства новых артефактов), желание сберечь природную и человеческую энергию, вложенную в расходные материалы и примененные усилия, наконец, желание сберечь кинетическую энергию конструкции и требуемого топлива (Fitch 1982: 30). Существует, однако,

категория таких предметов, которые обладают чрезвычайно высокой степенью «выживаемости», из-за той «декоративной, эстетической силы», которая делает эти предметы «трансисторичными». Изначальное их значение может исчезать, но особый потенциал, привлекающий к ним внимание, остается (Mertens 1981). «Трансисторичный» характер предметов усиливается или расширяется посредством помещения их в неожиданный контекст, т.е. контекст, противоположный изначальным функциям этих предметов. Обычно это означает критическую фазу, в которой и происходит сдвиг от утилитарной к «культурной» (документационной, символической) ценности предмета. Такие предметы принадлежат к категории предметов длительного употребления, в противоположность предметам кратковременным, обладающим низкой «выживаемостью»³.

Разделение на предметы длительного употребления и предметы кратковременные можно увязать с различными товарными сферами, которые выделяет И. Копытофф. Ученый различает в первичном контексте несколько разных сфер обмена (Kopytoff 1986: 71). Между ними может существовать определенная моральная иерархия. Предметы длительного употребления принадлежат к высшим разделам такой моральной иерархии. Кратковременные предметы могут быть «возвышены». Перемещение вниз по такой иерархии может рассматриваться как постыдное.

ПА-переход

Отбраковка означает намеренное изъятие предмета из актуальных культурных систем (ПА-переход). Обычно – это результат его функциональной деградации. Особый тип ПА-перехода связан с ритуальным уничтожением предмета.

Как правило, отбраковка предполагает социальную смерть предмета (т.е. его детоваризацию), при этом она отнюдь не всегда значит его физическую смерть. Зачастую предмет сохраняется как физическая единица, потенциальный источник информации, который может быть открыт при помощи «раскопок» (в широком смысле этого слова). В палеонтологии и археологии много внимания уделяется утрате информации, которая происходит в ходе ПА-перехода. Это вызвало к жизни такую область знаний, как тафономия (Lawrence 1968). Тафономия представляет собой детальное исследование перехода (животных) останков из биосферы в литосферу (переход, характеризуемый нами как ПА-переход) и, следовательно, является изучением посмертных отношений между органическими останками и их внешним окружением. Обычно в тафономические исследования включается и рассмотрение АА-перехода. В этих случаях используется термин биостратономия, означающий изучение влияния окружающей среды на органические останки за период от смерти живого существа до их окончательного захоронения. Для обозначения химических и физических процессов, действующих на (органические) останки после их захоронения, используют термин диагенезис. Диагенезис обычно считается частью тафономии. Благодаря археологическим раскопкам (АП- и АМ- переходы) предмет может быть открыт заново и вновь включен в культурную системы (т.е., ретоваризирован).

³ М. Шиффер также использует термин «предмет длительного употребления», но в ином значении: «орудия, машины и приспособления – короче говоря, то, что преобразует и сохраняет энергию». Вместо понятия «краткосрочные предметы» он употребляет термины «предметы потребления» и «источники энергии» (Schiffër 1976: 45).

ПМ-переход

И отбраковка (ПА-переход) и сохранение (ПМ-переход) являются культурными альтернативами. К. Помян описывает еще одну культурную альтернативу, которая, в некотором смысле, может рассматриваться в качестве премuzeологической (Pomian 1990). Он описывает формирование коллекций предметов, которые изымаются из эксплуатационного цикла для того, чтобы стать дарами, предназначенными для умерших или богов. Таким образом, эти предметы публично гарантируются от товаризации. Подобные процессы И. Копытофф описывает как процессы уникализации (Kopytoff 1986: 75). К. Помян описывает следующие категории таких коллекций: предметы из захоронений, подношения, дары и трофеи, реликвии и сакральные предметы, сокровища («семиофоры»). И. Копытофф добавляет к этому перечню общественные земли, памятники, государственные художественные коллекции, регалии королевской власти, королевские резиденции, атрибуты правителей, ритуальные предметы⁴. Основная функция этих предметов и коллекций, по мнению К. Помяна, заключается в том, чтобы служить посредниками между здесь-и-сейчас (видимым миром) и там-и-тогда (невидимым миром). Главное отли-

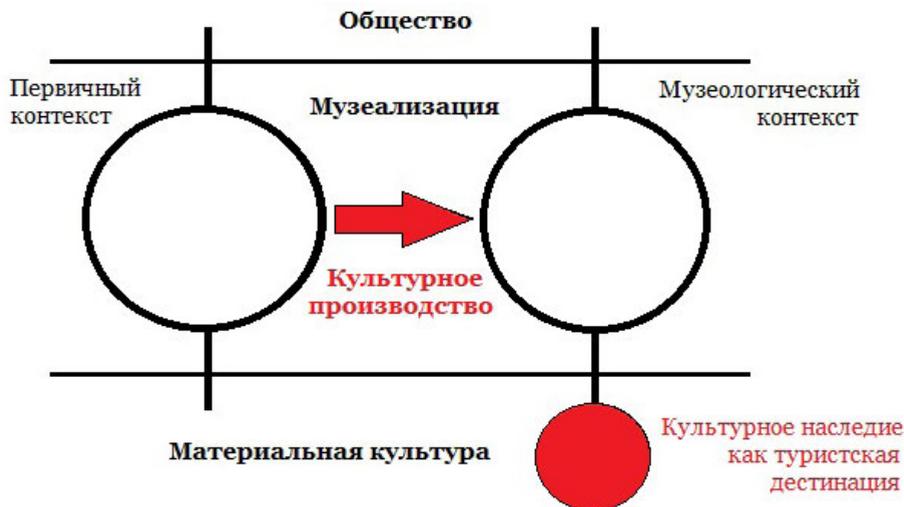

Рис. 17. Музеализация как форма культурного производства

чие этих премuzeологических форм сохранения предметов от, собственно, музеологического сохранения заключается в религиозном характере, который в них имеет переход в новое состояние (Desvallées 1989: 348).

На макроуровне этот переход включает в себя как концептуальный, так и физический контексты. Для сохранения предметов, подвергнутых уникализации, возводятся специальные постройки: пирамиды, сокровищницы и т.д. Связан с тем, о чем писал К. Помян, и процесс формирования коллекций сувениров, принадлежащих обычным людям. Он не предполагает физических переходов на макроуровне. Однако на микроуровне можно

⁴ К этой категории принадлежит греческие тезаурусы, описанные Ж. Базеном (Bazin 1967: 12). Подобные же сокровищницы находят по всему миру (Bazin 1967: вторая глава; материалы по Океани см. в работе: Mead 1983).

выделить характерный для него шаблон. Например, должны быть выделены специальные места, в которых и скапливаются сувениры (хороший пример здесь – каминная полка).

ПА-переходы, включая те, что были описаны К. Помяном, инициируются пользователями в рамках первичного контекста. Институционализация музееологического контекста приводит к появлению отношений «предложение – спрос» (pull – and – push). ПМ-переходы не только инициируются пользователями «внутри» первичного контекста (т.е. являются следствием фактора предложение/ push), но и могут быть результатом активной собирательской работы и селекции со стороны специалистов, работающих в музееологическом контексте (т.е. становиться следствием фактора спрос/ pull). Г. Эшворт и Дж. Танбридж различают хранение, «ориентированное на предложение», и хранение, «ориентированное на спрос» (Ashworth & Tunbridge 1990: 25). Однако их понимание терминов «спрос» и «предложение» отличается от того, что предлагается в данной работе. Их подход ближе к тому, что выше было описано нами как «предметноориентированная» и «общинноориентированная» методологии. Хранение, ориентированное на спрос, соотносится для них с таким типом хранения, основные черты которого полностью определяют те, кому принадлежит представляемое наследие. До некоторой степени это согласуется с описываемым в данной главе «фактором предложения» в рамках ПМ-перехода.

В определенном смысле ПА- и ПМ-переходы могут считаться «конечной товаризацией», т.к. дальнейший обмен предметов уже невозможен (если они являются частью археологического контекста) или же запрещен определенными нормативными актами. При этом, ни ПА-, ни ПМ-переходы не являются разновидностью формальной детоваризации. Археологический материал продолжает сохранять обменную ценность, проявляющуюся после его обнаружения в ходе раскопок. Также и товаризованные предметы сохраняют свой товарный потенциал и после музееализации.

Другие переходы

Существует два типа переходов: в рамках базового контекста и из одного базового контекста в другой. Последний тип предполагает более серьезные концептуальные изменения. ПП-переходы уже обсуждались выше. АА-переходы упоминались в связи с феноменом тафономии. Строительные работы могут привести к извлечению из земли археологического материала; предметы, ненужные в домашнем хозяйстве, могут быть выброшены в яму; из-за роющих землю кротов глиняная трубка может оказаться среди римской терры сигиллаты. Остается лишь объяснить ММ-переходы. Самый простой случай ММ-перехода на макроуровне – это обмен предметами между разными музеями. Пример такого перехода – политика нидерландского правительства в отношении стимулирования перемещения предметов и коллекций между музеями для улучшения связи между разными частями глобальной «Коллекции Нидерландов». Показательный случай ММ-перехода представляет собой также перемещение предметов между хранилищем и экспозицией, а так же в рамках постоянной экспозиции из одной витрины в другую. Такие перемещения могут быть следствием переоценки предметов с научной или эстетической точек зрения.

ПА- и ПМ-переходы нами уже упоминались. АМ-переходы включают археологические раскопки и палеонтологические полевые работы. АП-переходы предполагают экономическое использование материалов раскопок, – например использование мумифицированных кошек из Египта в качестве элемента традиционной медицины. МП-переходы случаются достаточно редко. Например, кражу можно рассматривать в качестве попытки

возвратить музейный предмет в его первичный контекст. Другой пример – это государственная политика Нидерландов в отношении изъятия из музеев части национальной коллекции современного искусства. Данная инициатива направлена была на то, чтобы стимулировать передачу произведений искусств таким публичным институциям, как госпитали, дома престарелых, школы и т.д. МА-переходы – случай еще более редкий. Очень редко музеи разрушаются в ходе природных катастроф, но иногда предметы в музеях оказываются в таком плохом состоянии, что удаление их из коллекции становится неизбежным.

Необходимо изучение перемен контекста с музееологической точки зрения. Большинство существующих исследований концентрирует внимание на ПМ-переходах как самом важном из процессов, приводящих к концентрации предметов в музееологическом контексте.

Культурформирующие процессы

Варианты, описанные выше, могут рассматриваться в качестве культурформирующих процессов. В этой связи М. Шиффер говорит о К-переходах (Schiffer 1976: 14). В его модели К-переходы связаны с материалами, отбракованными в ходе обычного функционирования культурной системы и не включенными в ПМ-переходы. Противоположностью культурформирующим процессам являются процессы внекультурформирующие (природные) (П-переходы), связанные с постдепозиционными изменениями в морфологии места или артефакта (АА-переходы).

Теоретически, эти процессы дополняют друг друга, но из-за намеренной селекции и «утрат», происходящих во время перемен контекстов, итоговая сумма материального содержимого музееологического и археологического контекстов никогда не равна материальному содержимому первичного контекста. Несмотря на связанную с ними значительную утрату информации, ПП-, ПА-, АА- и АМ-переходы ведут к концентрации «социального опыта, знаний, данных, установок, умений, навыков, привычек, потребностей, материальных и духовных достижений». Эту концентрацию К. Шрайнер и Х. Векс называют «социальным наследованием» (Schreiner & Weeks 1986, глава 1. с. 19). Чаще для обозначения такой специфической разновидности культурформирующих процессов используют определение «музееализация» (= патримониализация, Davallon 1993: 13)⁵.

Поступления предметов в музееологический контекст значительно превышают их убыль оттуда. «Постоянный приток произведений искусства из частного сектора в публичный (...) все еще остается неоспоримой догмой (...) Еще никто не бросил вызова тому, что можно было бы охарактеризовать как музейный империализм» (Streong 1988: 19). Этот музейный империализм или музейная экспансия ведут к постоянному росту численности музейных собраний. Если пользоваться терминами экологии, первичный контекст может быть охарактеризован как источник, а музееологический – как резервуар. В случае с невозстановливающимися ресурсами, в итоге, это должно привести к истощению источника и переполненности резервуара. В синэкологической перспективе каждая перемена контекста приводит к тому, что свободной остается определенная ниша. Истощение означает, что изъятый предмет или же не замещается ничем вовсе, или же в роли заместителя выступает предмет хуже того, что был изъят.

⁵ Термин «музееализация» («musealisation») происходит из немецко-чешского языкового контекста. В английском языке иногда предпочитают использовать термин «музееумизация» («museumization»). Оба термина являются синонимами «музеефикации» («museification»), связанной с франкофонной средой.

ПМ-переходы контролируются социальными факторами. И. Копытофф указывает на то, что власть нередко утверждает себя символически, отстаивая право на уникализацию того или иного предмета, группы или класса предметов (Kopytoff 1986: 73). Сходным образом К. Помян связывает обладание семиофорами с социальной иерархией. Члены высших социальных групп окружены семиофорами и при жизни и после смерти. Ученый пишет: «Теперь мы знаем, что так происходило не потому, что обитатели дворцов и храмов обладали особым вкусом, которого не было у остального населения, а потому что позиция в социальной иерархии, которую они занимали, заставляла их это делать. В традиционном обществе не отдельный человек собирает предметы, которые ему нравятся, коллекции там составляет социальная позиция» (Pomian 1990: 46).

К. Помян описывает тенденцию к демократизации обладания семиофорами. Однако, несмотря на эту демократизацию, коллекция все еще продолжает оставаться символом высокого положения, и, в то же самое время, инструментом, позволяющим ее владельцу осуществлять доминирующее влияние на свое интеллектуальное и художественное окружение (см. также: Sola 1984). «Язык менеджмента культурных ресурсов может быть уподоблен языку капитализма в сфере культуры. В этой практике отдельные группы личностей пытаются предъявлять исключительные права на прошлое и организовать временный переход этого культурного капитала из его исторического контекста в настоящее состояние захватывающего дух хранения, экспонирования, изучения и интерпретации. Профессиональное сообщество заявляет о своих знаниях и на их основании решает, что именно достойно того, чтобы быть сохраненным или извлеченным на свет божий. После дальнейшей интерпретации или консервации публике, т.е. непрофессионалам, сообщают, что это и есть их прошлое, их наследие, и что оно должно иметь для них особое значение» (Shanks & Tilley 1987: 24). Предметы, принадлежащие «низшим» культурам коллекционируются, выставляются и лишаются своего изначального значения, подтверждая могущество колонизаторов (Agujo & Bruno 1988).

Сами по себе музейные коллекции должны рассматриваться в качестве артефактов. С. Пирс указывает на важность «коллекционных исследований» (*collections studies*) как части общего музеологического исследования (Pearce 1992). Это предложение сталкивается с одним из основных недостатков ее более ранних методологических разработок, а именно с критическим анализом генезиса коллекций. Для большинства профильных исследований коллекция – всего лишь источник информации, а не самостоятельный объект. Документационная ценность предметов, как минимум, связана с коллекцией, частью которой они являются.

Информация о главе

Автор: Петер ван Менш – Ph.D., профессор, директор международной магистерской программы по музеологии Академии Рейнварта (1998 – 2001, 2005 – 2010 гг.), президент Международного комитета по музеологии Международного совета музеев (1989 – 1993 гг.), Амстердам, Нидерланды, peter@menschmuseology.com

Заглавие: Контекст.

Абстракт: Контекстуальная идентичность связана с отношениями между предметом и его окружением. В предлагаемой нами модели контекст рассматривается в качестве важного аспекта информационной структуры предмета. В музеологической литературе обычно подчеркивается «музеологический контекст», т.е. контекст в котором находится предмет, ставший предметом музейным. Для того чтобы познать предмет как носитель данных, необходимо разработать модель контекстуальных

связей, предшествующих музеализации. Все возрастающий интерес к контекстуальному уровню информационного содержания предметов ведет к проникновению в музеологию подходов, характерных для экологии. С точки зрения методологи, можно выделить два таких подхода: аутоэкологический и синэкологический. В первом случае мы начинаем с одного предмета и изучаем его отношения с окружением. Во втором, началом служит целое, кластер, контекст. В рамках синэкологического подхода группа предметов может рассматриваться как предмет *sensu latiore*.

Ключевые слова: артефакт, идентичность, контекст, музейный предмет, музеология, предмет.

Information on chapter

Author: Peter van Mensch – Ph.D., Professor, Director of the International Master Degree Programme in Museology at the Reinwardt Academy (1998 – 2001, 2005 – 2010), President of the ICOM International Committee for Museology (1989 – 1993), Amsterdam, Netherlands, peter@menschmuseology.com

Title: Context.

Abstract: Contextual identity refers to the relations between the object and its environment. In the present model context is seen as important aspect of the information structure of objects. In museological literature emphasis is on the ‘museological context’, i.e. the context of the object as museum object. In order to understand the object as data carrier it is necessary to have a model of the contextual relations before ‘musealisation’. Increasing interest in the contextual level of the information content of objects has led to an ecological approach in museology. Methodologically there are two approaches: autecological and synecological. In the autecological approach the consideration starts from one object and the relations of that object with its environment is studied. In the synecological approach the consideration starts from the whole, the cluster, the context. From the synecological point of view a group of objects can be considered as object *sensu latiore*.

Key words: artifact, context, identity, museology, museum object, object, structural identity.

Использованная литература

- Appadurai, A. (1986) ‘Introduction: commodities and the politics of value’, in: A. Appadurai ed., *The social life of things* (Cambridge) 3-63.
- Araujo, M.M. & C.Bruno (1988) ‘New trends in Brazilian museology’, in: V. Sofka ed., *Museology and developing countries*. ICOFOM Studie Series 14 (Stockholm) 31-38.
- Ashworth, G.J. & J.E.Tunbridge (1990) *The touristic-historic city* (London).
- Bazin, G. (1967) *The museum age* (Brussels).
- Buchloh, B. (1991) ‘The next best ready made: the aesthetic object from use value to sign exchange value’, in: Witte de With. *The lectures* (Rotterdam) 23-30.
- Cannon-Brookes, P. (1979)
- Davallon, J. (1993) ‘Introduction. Le public au centre de l’évolution du musée’, *Publics & Musées* (2): 10-15.
- Desvallées, A. (1989) *Le défi muséologique*, in: *La muséologie selon Georges-Henri Rivière. Course de muséologie. Textes et témoignages* (Bordas) 345-367.
- Ennenbach, W. (1983) ‘Das Wesen der Musealien’, *Muzeologické sešity* (9): 85-89.
- Fitch, J.M. (1982) *Historic preservation: curatorial management of the built world* (New York).
- Gavanagh, G. (1990) *History curatorship*. Leicester Museum Studies Series (Leicester).
- Gluzinski, W. (1980) *U podstaw muzeologii* (Warsaw).
- Klein, H.J. & B.Wusthoff-Schafer (1990) *Inszenierungen an Museen und ihre Wirkung auf Besucher. Materialien aus dem Institut für Museumskunde* 32 (Berlin).
- Kopytoff, I. (1986) ‘The cultural biography of things: commoditization as process’, in: A.Appadurai ed., *The social life of things* (Cambridge) 64-91.
- Lawrence, D.L. (1968) ‘Taphonomy and information losses in fossil communities’, *Geological Society of America Bulletin* 79: 1315-1330.
- Mead, S.M. (1983) ‘Indigenous models of museums for Maori museums in Oceania’, *Museum* (138): 98-101.
- Mertens, J. (1981) ‘Omtrent musea en concerten’, *Wijsgerig Perspectief* (6): 155-159.
- Pearce, S. (1986) ‘Thinking about things’, *Museums Journal* 85 (4): 198-201.
- Pearce, S. (1992) *Museums, objects and collections: a cultural study* (Leicester).
- Pomian, K. (1990) *De oorsprong van het museum. Over het verzamelen* (Heerlen).
- Rosander, J. ed. (1980) *Today for tomorrow. Museum documentation of contemporary society in Sweden by acquisition of objects* (Stockholm).

- Schiffer, M. (1976) Behavioral archeology (New York).
- Schreiner K. & H.Wecks (1986) Studien zur Museologie 1. Schriftenreihe Institut für Museumswesen 27 (Berlin DDR).
- Seale (1979) Recreating the historic house interior (Nashville).
- Shanks, M. & C.Tilley (1987) Re-constructing archaeology (Cambridge). 11
- Sloterdijk, P. (1991) 'Das Museum als kulturelle Zeitmaschine', Kunstforum (111):
- Sola, T. (1984) '(basic paper)', in: V. Sofka ed., Collecting today for tomorrow. ICOFOM Study Series 6 (Stockholm 1984) 60-69.
- Strong, R. (1988) 'Scholar or salesman? The curator of the future', Muse 6 (2): 16-20.
- Thompson, M. (1979) Rubbish Theory (Oxford).
- Treinen, H. (1974) 'Museum und Öffentlichkeit', in: Zur Lage der Museen (Boppard).